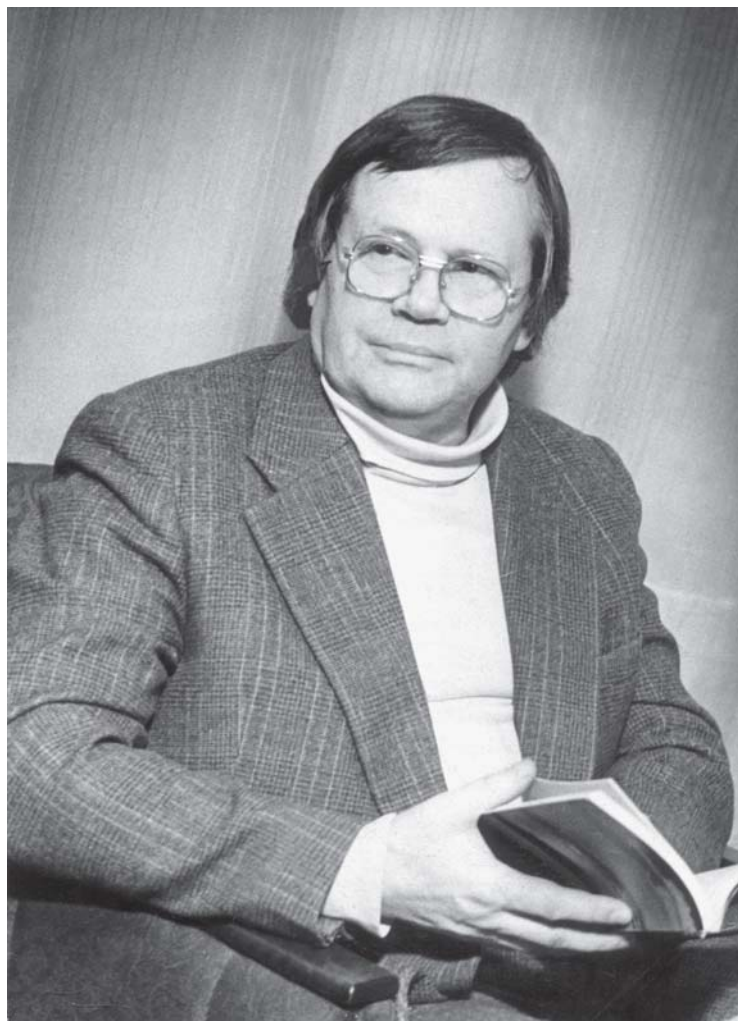

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
им. Ю.Г. СЛЕПУХИНА
„ЛУЧШИЕ КНИГИ –
БИБЛИОТЕКАМ“

Слепухин

Юрий СЛЕПУХИН

избранное

ПЕРЕКРЕСТОК

**ТЬМА
В ПОЛДЕНЬ**

Том первый

Санкт - Петербург
2005

Слепухин Юрий Григорьевич.

Избранное в 5 т. Т. 1. Перекресток. Тьма в полдень. – / Юрий Слепухин. СПб., 2005. – 943 с.

Роман «Перекресток» – первая книга тетралогии автора о Второй Мировой войне. Действие происходит в предвоенные годы в одном из украинских городов. Герои – старшеклассники, романтично воспринимающие окружающий мир, мечтающие о подвигах, переживающие первую любовь... Однако война вносит в их жизнь беспощадные коррективы.

«Тьма в полдень» – вторая книга тетралогии, в которой продолжены судьбы героев «Перекрестка»: некоторые из них – на фронте, большинство оказывается в оккупации. Автор описывает оккупационный быт без идеологических штампов, на основе собственного опыта. Возникновение и деятельность молодежного подполья рассматривается с позиций нравственной необходимости героев, но его гибель – неизбежна.

Выразительно, с большой художественной силой, описаны военные действия, в частности Курская битва.

© Благотворительный фонд
им. Ю.Г. Слепухина «Лучшие
книги – библиотекам», 2005
© Н.А. Слепухина, текст, 2005

«Он человек был в полном смысле слова...»

Писать о Юрии Григорьевиче Слепухине и очень легко, и очень трудно. Легко, потому что за всю свою плодотворную творческую жизнь он так и не удостоился внимательного исследования своих произведений: литературоведы его не баловали вниманием, а критики практически обходили молчанием, если не считать нескольких вступительных статей и послесловий, помещенных в изданиях его романов (добрым словом хочется вспомнить М.И. Новикова, А.И. Хватова, В.Г. Захарова, З. Канониди). Во многом это объясняется особенностями его биографии – не литературной, а скорее политической.

Трудно, потому что масштаб его личности, его большой литературный талант, его нравственная позиция, уникальный жизненный опыт заслуживают большого исследования, ведь Юрий Григорьевич был одним из тех русских людей, которых не могли сломить обстоятельства, которые всю жизнь носили в сердце любовь к России, и именно потому так остро переживали все, что могло бы изменить ее суть, предназначение, судьбу. И делали – все, для того чтобы не погас свет в душах людей, чтобы каждый гражданин этой измученной, родной страны не потерял Веры, Надежды, Любви...

Юрий Слепухин родился 1 августа 1926 года в городе Шахты (неподалеку от Ростова-на-Дону), детство прошло на Северном Кавказе – Пятигорск, Ставрополь.

Отец – Григорий Пантелеймонович Кочетков (Слепухин) происходил из казачьей военной среды, принимал участие в Первой Мировой войне. По профессии агроном, до начала Великой Отечественной войны был Главным агрономом Северного Кавказа.

Мать – Валентина Ивановна Беденко (Слепухина) – из дворянской украинско-польской семьи, всю жизнь посвятила семье, воспитанию детей. С сыном ее связывала огромная дружба, что, безусловно, помогло будущему писателю при создании женских образов в своих романах

Читать научился в четыре года и читал «запоем» всю жизнь. В связи с угоном в Германию, в 1943 г., не смог завершить среднее образование, в дальнейшем занимался самообразованием. Кроме русского, в совершенстве владел английским, испанским языками, свободно читал на латыни, немецком, французском, польском, украинском языках. Был энциклопедически образован. Обладал не только гуманитарными знаниями, но и техническими, прекрасно разбирался во всех видах вооружения, как советского, так и зарубежного, преимущественно времен 2-й Мировой войны.

Летом 1942 года, шестнадцатилетним подростком, оказался в оккупации. В ноябре 1943 г. вместе с семьей был угнан на принудительные работы в Германию. Находился в лагере для восточных рабочих «Шарнхорст» в г. Эссен. Затем, с мая 1944 г. по март 1945 г., батрачил в помещичьей усадьбе барона Гюльхера в дер. Аппельдорн, округ Клеве, на Нижнем Рейне. Освобожденный войсками союзников, был в начале марта 1945 года вывезен англичанами в Бельгию для отправки в СССР. Поскольку близкие родственники (сестра и брат матери, муж сестры – чешский коммунист) были репрессированы и находились в заключении, семья попросила политического убежища. В связи с этим пришлось также изменить фамилию «Кочетковы» на фамилию «Слепухины» (девичью фамилию матери отца). Активную помощь семье Слепухиных оказывали русские эмигранты.

Вот как об этом периоде жизни будущего писателя вспоминает его сестра – Ирина Григорьевна Слепухина: «Осенью 1943 года наша семья была угнана в Германию, Юрий работал в лагерях до самого конца войны. Работы были тяжелые, к тому же лагеря, как правило, располагались в промышленных городах, которые подвергались страшным бомбежкам почти каждую ночь. Было голодно и холодно. В последний год мы попали на сельскохозяйственные работы в поместье барона

Гюльхера, неподалеку от голландской границы, и это уже намного облегчило жизнь. Барон оказался очень порядочным человеком, заботился о своих рабочих, был доброжелателен и, возможно, спас нам жизнь: в начале 45 года, когда шло уже тотальное отступление немецкого вермахта вглубь страны, был издан приказ об эвакуации всех «остарбайтеров» (восточных рабочих) за Рейн, ближе к востоку. Там в это время шли ужасные бомбардировки, англо-американская авиация, по существу, «разутюживала» Германию, стирая ее в буквальном смысле слова: бомбили города, дороги, госпитали – без разбора и сожаления – именно так был уничтожен Дрезден. Оказаться в этом аду на дорогах было равносильно смертному приговору. Гюльхер тоже получил предписание вывезти своих рабочих. Мы собрались, погрузились на телеги (весь транспорт, естественно, был реквизирован для отступающих войск) и двинулись в путь. Барон, верхом на лошади, возглавил наш исход лично, возле переправы через Рейн он должен был передать нас в руки какого-то официального лица. По дороге он все время подъезжал к нашей телеге и сочувственно поглядывал. Дело в том, что в этот день я разболелась и была в жару, тогда Гюльхер принял решение, которое нас спасло от многих возможных мытарств. Подъехав в очередной раз, он спросил: «Что с девочкой?» – подумал, и велел поворачивать назад. Водворив нас на место, снабдил продуктами и посоветовал сидеть спокойно и ждать наступления союзных войск. «Начальство я предупредил, – сказал он, – вас никто не тронет». Сам же, собрав семью, через пару дней отступил вместе с войсками. Этого человека мы потом всю жизнь вспоминали с благодарностью.

Время, проведенное в Аппельдорне (так называлась деревня возле замка барона), дало много полезного; жители деревни относились к нам доброжелательно, и очень любили приходить к нам в гости. Особенно один уже немолодой человек, наш сосед, он приходил часто и очень любил беседовать обо всем. В 45 г. его призвали в армию, и в свой последний вечер дома он тоже пришел и трогательно простился с нами (впоследствии Юрий Григорьевич описал в своих романах очень многое из этих событий, многие стали прототипами его героев). Там же мы познакомились с польскими военнопленными, они

А

ходили свободно, меняли табак, шоколад и сигареты на что-нибудь домашнее, разительно отличаясь от наших несчастных военнопленных, которые бродили как тени. Польша в свое время подписала международную конвенцию о правах военнопленных, потому они всю войну получали посылки от Красного Креста, и хотя немцы не терпели поляков, но добросовестно соблюдали этот договор. Не подписав этой конвенции, заявив, что «у нас нет пленных, у нас могут быть только предатели», Сталин обрек на смерть сотни тысяч своих солдат. Были там и итальянские пленные, они рыли окопы и пели дивные оперные арии, сами же тоже были голодны и раздеты, поскольку немцы их считали дезертирами, ведь начинали они войну вместе: Гитлер и Муссолини.

К концу войны, когда началось наступление союзников – от голландской границы, через Апфельдорн, мы познакомились с англичанами, в нашем секторе наступали именно они. В конце апреля 45 года Германию наводняли толпы оstarбайтеров, надо было «разгрузить» страну, и с этой целью нас собрали и повезли: сначала в Голландию, потом в Бельгию. По прибытии в Брюссель, нас, всех русских, скопом, без разбору прямиком выдали в руки советской комендатуры. Нас поместили в помещении бывшей школы, для фильтрации, но поскольку это было в самом центре Брюсселя, советскому коменданту приходилось соблюдать приличия, нас даже выпускали иногда посмотреть город, это нас и спасло. Как правило, бывших оstarбайтеров передавали в СМЕРШ, а там не церемонились, взрослых отправляли в Сибирь – искупать вину (интересно – какую?), а если были дети, то в детдома. Русская эмиграция об этом знала и потому стремилась помочь всеми силами, заручившись для этого поддержкой бельгийской полиции. Эмигранты буквально «кружили» вокруг этого импровизированного лагеря, выжидая удобные моменты для знакомства и помощи. Так мы познакомились с бывшим белым полковником – Георгием Павловичем Вишняковым и его супругой, и они предложили нам бежать. В полиции очень сочувствовали таким беглецам, а их было очень много, большинство не хотело снова вкусить сталинского террора. Советские оккупационные власти были

возмущены такой позицией бельгийской полиции, и, не встречая поддержки, сами пытались вернуть сбежавших – ловили на улицах, вламывались в квартиры, подсылали агентов. Хорошо помню ужасный случай: молодая женщина, которую поймали и силой вернули в советское представительство, среди белого дня выбросилась из окна четвертого этажа и разбилась насмерть.

Моих родителей и брата эмигранты устроили на работу и сразу ввели в свое общество. В Брюсселе было несколько русских библиотек, и Юрий сразу же туда записался. Кроме того, он посещал лекции графа Апраксина, который очень интересно говорил на тему русской истории, и вся эмигрантская молодежь их очень ценила. В свободное время ходил по музеям, свел очень интересное знакомство с иезуитами – какое-то время гостил у них в монастыре, и остался очарован их умом и эрудицией. Обратив его в свою веру они не пытались, так как к этому времени он уже был крещен православным (мы с ним крестились одновременно в 46 году), готовил нас к этому таинству замечательный священник – отец Виктор, настоятель тамошней православной церкви. Юрий Григорьевич всю жизнь оставался глубоко верующим человеком, что явно чувствуется в его творчестве. Вообще, годы, проведенные в Германии и Бельгии, дали много интересных наблюдений, которые потом были включены в его романы: «Тьма в полдень», «Сладостно и почетно», «Ничего кроме надежды». Очень интересным было знакомство с эмиграцией в Бельгии – еще были живы непосредственные участники Белого движения – общение с ними обогащало, вызывало живой интерес, ведь они сумели сохранить дух старой России. Знакомство с эмиграцией продолжилось и в Аргентине, куда мы переехали в качестве «перемещенных лиц» в 1947 году.

Писать брат начал в 23 года, в 1949 г., – свой первый роман «Перекресток», во многом продиктованный ностальгией, построенный на воспоминаниях его юности. В Аргентине Юрий Григорьевич работал автомехаником, монтажником, электриком, разнорабочим на стройке, конторским служащим, дизайнером ювелирных изделий, вел общественную работу с молодежью, сотрудничал